

ПРОБЛЕМЫ ФИНЛЯНДСКО-СОВЕТСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ В 1920–1930-е гг.

Развитие культурного сотрудничества между Финляндией и Советским Союзом, бесспорно, могло сыграть важную роль в государственных отношениях двух стран на заре их формирования. Более чем столетнее пребывание Великого княжества Финляндского в составе Российской империи не могло не сказаться на создании определенных культурных связей между двумя народами. Однако последующий исторический процесс показал, что фактически два государства так и не смогли воспользоваться накопленным в предшествующий период опытом культурного и взаимовыгодного сотрудничества.

Как заметил, обращаясь по этому поводу к своим личным наблюдениям, будущий президент Финляндии Ю.К. Паасикиви, «у меня нет никаких предрассудков в отношении Советского Союза и против русских, в России я жил в молодости и знаю российскую классическую литературу и культуру»¹. Но далее в своих воспоминаниях он подчеркнул: «...100-летнее общение не оставило нам иного впечатления как многое <...> из области кулинарии: блины, икра, борщи-супы и некоторая другая редкая пища. Напротив, мы удалялись от России десятилетиями и десятилетиями. Ибо в ней был уже совсем другой мир, который нам не приемлем»².

Действительно, в Финляндии постарались забыть все то позитивное, что ранее связывало два народа. Как образно по этому поводу выразился депутат парламента того периода известный политический деятель К.О. Фрич: «Фактически через леса и болота проходила не только хорошо охраняемая линия границы, разделявшая российскую и финскую территорию <...> там после отделения Великого княжества Финляндского от царской империи проходила Китайская стена, такая высокая и широкая, что бывавшие в Выборге и Хельсинки иностранцы нередко удивлялись тому, что мы в Финляндии знаем о России гораздо меньше, чем многие другие в мире». И далее: «Финляндия смотрела на Россию как на что-то странное, чего не знала, не понимала, а также вообще не хотела знать и понимать»³.

В целом, как считал этот политический деятель, совокупность объединенных общественных, исторических и психологических факторов, которые оказывали влияние на финский народ, обусловили в конечном счете

трудности на пути к взаимопониманию между Финляндией и Россией. «Позиция Финляндии по отношению к восточному соседу», подчеркивал Фрич, основывалась на том, что страна жила «бок о бок с большевистской диктатурой и со всеми теми непонятными для западных стран, чуждыми, да и совершенно незнакомыми силами и стремлениями»⁴.

Все это, естественно, уже изначально создавало проблемы в развитии отношений между двумя государствами, а именно — в сотрудничестве в области культуры, которое предполагало увеличение знаний о соседнем народе и могло помочь в преодолении этой полосы отчужденности, которая начала очерчиваться на рубеже 1920-х гг. В этом случае, видимо, есть смысл, учитывая достаточно напряженную международную обстановку того времени, обратить внимание на нарождающиеся контакты в культурной сфере, а также определить их этапность, проанализировав то, какие тенденции эти контакты раскрывали.

В цепи же развивающихся тогда событий, естественно, наиболее важным стало то, что именно советское правительство признало 31 декабря 1917 г. независимость Финляндии, а затем подписало с ней 14 октября 1920 г. в Тарту мирный договор. Эти два события по существу подвели черту под тем положением, которое сложилось после провозглашения 6 декабря 1917 г. Финляндией своей независимости и начала процесса ее отделения от России.

Однако нормализация отношений в последующем все же проходила достаточно сложно. В руководящих кругах Финляндии пытались правильно оценить линию, которую проводил Советский Союз, определив, насколько реально он готов соблюдать Тартуский мирный договор и твердо ли будет в дальнейшем признавать ее независимость. Были опасения, не проявится ли в перспективе со стороны СССР намерение добиться установления в Финляндии аналогичного своему строя с последующим лишением ее самостоятельности. Серьезное беспокойство в Хельсинки вызывало и то, что в Советском Союзе находился ЦК финской компартии, которая была запрещена в Финляндии, но осуществляла руководство нелегальной работой на ее территории.

Вместе с тем в Советском Союзе сохранились прежние представления о «белой» Финляндии и «белофиннах», не забыли и о терроре после подавления революции 1918 г., о вооруженных походах в Карелию и призывах к созданию «великой Финляндии». К тому же эти вопросы нередко поднимались на страницах периодической печати и в литературе.

В целом в советско-финляндских отношениях с самого начала их формирования стала наблюдаться тенденция тесного переплетения политики,

экономики и культуры с идеологией. Ярким примером тому могут служить даже самые незначительные факты, которые характеризовали эти отношения. Так, в частности, когда один из первых советских посланников в Хельсинки (А.С. Черных) вручал свою верительную грамоту президенту Финляндии, то возник весьма «сложный вопрос» об исполнении советского гимна, «Интернационала». Ряд финских военных и гражданских чиновников начали активно протестовать против этого и даже покинули помещение в момент исполнения этого гимна⁵. Одновременно советские дипломаты, нарушая соответствующие традиции, направляли в финский МИД документы исключительно на русском языке, подчеркивая таким образом прежнюю зависимость Финляндии от России, тогда как из внешнеполитического ведомства Финляндия в СССР корреспонденция педантично шла на французском языке⁶.

Тем не менее к середине 1920-х гг. удалось несколько нормализовать общеполитическую обстановку, отношения между двумя странами. Тогда в обзорах международного положения Министерства иностранных дел начали отмечать, что «отношения Финляндии с Советской Россией развивались довольно содержательно». При этом подчеркивалось, что «никаких существенных противоречий или конфликтов, которые происходили в прошлые годы, теперь не было»⁷.

Однако об оживлении культурного сотрудничества говорить не приходилось. Лишь к середине 1920-х гг. стали проявляться первые ростки возможного возрождения прерванных ранее культурных связей. Так, с 1924 г. началось обсуждение вопроса об обмене архивными материалами между СССР и Финляндией, закончившееся направлением в Ленинград соответствующих финских специалистов для работы в советских архивах⁸. Кроме того, в 1925 г. хельсинкская библиотека и Библиотека Академии наук в Ленинграде обменялись крупными партиями книг⁹. Но первые конкретные факты установления новых контактов между двумя странами скорее относились к научно-техническому сотрудничеству.

Что же касается контактов в области культуры, то их проводником стал издававшийся тогда в Финляндии леворадикальный иллюстрированный еженедельный журнал «Итя яа Лянси». Однако, как отмечают финские исследователи, публикации этого журнала «не в состоянии были иметь какую-либо широкую поддержку вне узкого круга лиц», поддерживающих идею налаживания «между Советским Союзом и Финляндией отношений в области культуры»¹⁰. Поэтому более или менее крупными событиями того времени стали демонстрация в 1926 г. в финских кинотеатрах советско-

го художественного фильма и затем, в следующем году, организация ряда совместных спортивных мероприятий и экскурсий по Финляндии для советских студентов¹¹. Эти события фактически оказались единственными наиболее значимыми достижениями в развитии сотрудничества в области культуры за все 1920-е гг.

Характерной особенностью возникавших тогда связей было проявление явной враждебности к советской культуре в финском обществе. Как было отмечено, даже это сотрудничество, основанное на «низком уровне контактов, привело в середине 1920-х гг. к началу дебатов на страницах студенческой газеты “Юлиоппилас-лехти”, где явно наблюдалось бескомпромиссное представление о том, что в независимой Финляндии нет никакого места для всего русского или советского». Одновременно эти настроения сочетались с раздававшимся в Финляндии противоположным мнением, указывающим на то, что «чрезвычайный национализм окажется роковым для Финляндии», поскольку «враждебность к Советскому Союзу не принесет никакой реальной пользы»¹². Более того, в 1928 г. среди радикально настроенных левых даже появилась идея создания общества дружбы с СССР. Однако как только об этих планах стало известно в государственной полиции, то возникла откровенная угроза ареста инициаторов этой идеи, что привело к прекращению работы в данном направлении¹³.

Таким образом, появление первых ростков возможного развития финско-советского сотрудничества в области культуры воспринималось в Финляндии далеко не однозначно. А сами масштабы сотрудничества были недостаточными, чтобы можно было утверждать о тенденциях к его укреплению. Тем не менее это устраивало финское руководство. По мнению профессора Ю. Паасивирта, «в тот момент в Финляндии особенно широко был распространен взгляд, что при осуществлении сотрудничества с восточным соседом ей следует ориентироваться на международный подход к отношениям с Советским Союзом» и «не нужно идти дальше того, что соответствовало в данном случае позиции западных государств»¹⁴. Это, естественно, проявлялось в поведении финских дипломатов и государственных деятелей.

Что же касается СССР, то в Москве в принципе были готовы к преодолению определенных трудностей во взаимоотношениях с Финляндией. Однако здесь обращали внимание на политические и экономические связи. О культурном сотрудничестве вопросов тогда не ставили. Но ни политические, ни экономические контакты, так же как и связи в области культуры, практически не развивались. Единственное, что реально тогда происходило

в отношениях между двумя странами, — это относительная бесконфликтность, которая, собственно, в будущем могла открыть перспективы для движения дальше — к добрососедству.

Однако достигнутая устойчивость во взаимоотношениях между СССР и Финляндией не была надежной. По-прежнему оставались все та же подозрительность друг к другу и отчужденность. Более того, на рубеже 1920–30-х гг. возникла и первая трещина в еще не сформировавшейся основе советско-финляндских отношений.

Дело в том, что в Финляндии к этому времени начала нарастать враждебность к СССР. Профессор К. Корхонен писал по данному поводу, что в то время в Финляндии «царила небывалая враждебность по отношению к восточному соседу, причем эта ненависть была отчасти классовой враждой, а отчасти исторически антирусской»¹⁵. Изменяющиеся общественные настроения во многом были связаны с активизацией, как и в других странах Запада, фашистских настроений. Причем в Финляндии они стали ассоциироваться с антирусскими проявлениями, получившими название «лапуаского движения». «Новое движение за великую Финляндию внезапно, как будто волшебной силой, — отмечал известный политик В. Войонмаа, — изменило национальную мысль и способ действия»¹⁶.

Естественно, говорить в этих условиях о развитии отношений в области культуры как первом шаге к возможной разрядке напряженности, не приходилось. К этому тогда не стремились ни Москва, ни Хельсинки. Причем любопытно, что деятельность, например, финского представительства в СССР, как отмечал работавший в тот период дипломат Ю. Нькопп, «в это время не была очень обременительной». При этом он замечает в своих воспоминаниях: «Больше всего мы читали “Правду” и “Известия”, а также писали обзоры печати. Один раз в неделю совершали курьерские поездки домой, где больше всего от нас ждали упаковки с икрой, чем наши донесения»¹⁷.

Однако возникшую конфликтную ситуацию требовалось разрядить, и это удалось сделать сугубо политическим путем. В 1932 г. был подписан договор о ненападении, который затем, в 1934 г., был продлен еще на 10 лет. Но к этому времени, по мнению зарубежных дипломатов, в Финляндии уже «большинство народа было проникнуто чувством антипатии к России, антипатии, на которую не могут влиять никакие договоры, поскольку к ней примешивались безграничная подозрительность и боязнь»¹⁸. Безусловно, что именно культурные, а также экономические отношения могли подкорректировать существующие в Финляндии настроения.

Но ситуация продолжала усугубляться в связи с тем, что с 1933 г. начала стремительно обостряться международная обстановка, вызванная приходом к власти нацистов в Германии. Нарастающий интерес Германии к соседним с СССР государствам, в том числе и Финляндии, требовал от Москвы соответствующих контрдействий. В советском руководстве тогда начали полагать, что настало время начать процесс соответствующего усиления позиций СССР в соседней стране. Это предполагало и развития контактов по линии культурного сотрудничества.

О том, что в Финляндии тогда отсутствовали реальные представления о Советском Союзе, свидетельствовали всевозможные казусы во взаимоотношениях советских дипломатов с финскими коллегами. Эти курьезы, однако, очень верно отражали уровень развития советско-финляндских отношений, в частности, в области культурного сотрудничества.

Яркий пример приводит в своих воспоминаниях представитель ТАСС того времени в Хельсинки Н.Г. Пальгунов. Он, в частности, поведал, как весной 1934 г. был приглашен в Министерство иностранных дел Финляндии, где ответственный сотрудник высказал ему следующее: «Я хотел бы сделать Вам дружественное представление: в вашей прессе печатаются отчеты о XVII съезде ВКП(б). В них, между прочим, говорится, что если какое-либо свиное рыло сунется в советский огород, то оно потом горько пожалеет об этом. Подобные заявления вызывают сильное недовольство нашего президента, так как считают, что они направлены против него (“Свинхувуд” в переводе на русский язык означает “свиноголовый”). Президент просил меня известить вас об этом»¹⁹.

Очевидно, что заявления подобного характера вряд ли могли прозвучать, если бы, например, между Финляндией и СССР существовали устойчивые связи в области культуры и в Хельсинки понимали, что в руководстве Советского Союза думают не только о Финляндии. Тем не менее ощущение явного упрощенного представления о советской внешней политике и недопонимания в целом линии СССР, наблюдавшегося тогда в Финляндии, начало вызывать в Москве соответствующую озабоченность.

Не случайно осенью 1933 г. в Наркомате иностранных дел состоялась достаточно обстоятельная беседа с финским посланником А. Ирье-Коскиненем. Тогда дипломатическому представителю было прямо сказано: «В Финляндии на СССР переносятся те понятия и те чувства, которые сложились до революции в отношении царской России. В соседней стране с нами, Финляндии, нас знают меньше, чем в далеких от нас странах <...> Финляндия как бы отделена от СССР непроницаемой стеной». Вывод же

был сделан по тем временам для руководства СССР весьма серьезный. Финскому посланнику прямо заявили, что «нужно, чтобы видные деятели из разных слоев финского общества почаще приезжали с Советский Союз»²⁰.

Таким образом, в Москве начали пересматривать свое отношение к проблемам культурного сотрудничества с Финляндией, теперь делая ставку на необходимость их расширения. О том, что это было именно так, свидетельствует то, что в ходе произошедшей тогда беседы договорились о необходимости создания в Финляндии «общества сближения с СССР»²¹.

Действительно, в это время стали предприниматься со стороны советского руководства отдельные попытки оживить сотрудничество с Финляндией в области культуры. В апреле 1934 г., получив официальное приглашение из Москвы, СССР посетила представительная делегация финских журналистов во главе с руководителем отдела печати МИД Финляндии К.Н. Рантакари²². Как отмечал впоследствии Н.Г. Пальгунов, принявший участие в этой поездке, «у финских журналистов были все возможности многое увидеть в СССР»²³. Но затем он с горечью отметил: «После этой поездки <...> на страницах финских газет не произошло заметного увеличения информации о Советской стране»²⁴.

Тенденции развития отношений между Финляндией и СССР просматривались и в других формах культурного сотрудничества, но они не имели продолжения. Так, например, открывшаяся в ноябре в Москве выставка финских художников²⁵ фактически явилась лишь ответным шагом на организацию экспозиции советской графики в Хельсинки в феврале 1934 г.²⁶, символизируя расширение советско-финляндских контактов в области культуры. Но дальше этого эпизода процесс не пошел, хотя интерес к советской живописной школе среди финляндской общественности был достаточно высок. Об этом свидетельствовал тот факт, что на открытии советской выставки присутствовало около трехсот человек, и это, по мнению советских дипломатов, «для Гельсингфорса является довольно крупной цифрой»²⁷. Было очевидно, что финские художники и скульпторы начали уклоняться от участия в совместных творческих мероприятиях, организовывавшихся в Москве и Ленинграде, откуда имели приглашение.

Однако в целом подобные мероприятия носили достаточно редкий, эпизодический характер, не превращаясь в регулярный творческий обмен и практически ничего серьезно не меняли в обозначаемом тогда развитии культурных связей. К тому же в зачаточной стадии находился и туристический обмен. Непродуктивной была, например, и деятельность такой

советской организации, как «Интурист», открывшей тогда свое представительство в Хельсинки²⁸.

Более того, с финской стороны вообще не топились развивать культурные контакты с СССР. Причем ответные действия с точки зрения культурного сотрудничества со стороны Финляндии не имели адекватного характера. Об отсутствии поддержки у финских властей тенденций советской «культурной инициативы» свидетельствует факт, что в Финляндию не были приглашены, в частности, с ответным визитом журналисты из СССР.

В Хельсинки в то время согласились лишь на демонстрацию советского кинофильма «Гроза» (по одноименной пьесе Н.А. Островского). Это был фактически второй случай показа в Финляндии кинокартины из СССР²⁹. При этом следует заметить, что в Финляндии и позднее не стремились к демонстрации продукции советского кинопроката. Всего в этой стране в течение 1930-х гг. было представлено свыше двух тысяч кинофильмов, причем из Советского Союза было показано только восемь³⁰.

О том, что соседнее с СССР государство с большим трудом шло на какие-либо новые формы сотрудничества, свидетельствуют весьма безрезультативные попытки наладить в это время советско-финляндский научно-технический обмен. Причем инициатива в этом случае исходила в большей степени от финской общественности, нежели от государственных структур.

Так, 20 февраля 1934 г. в Хельсинкском университете состоялось собрание, где начали обсуждаться в присутствии пяти профессоров этого университета, а также советского посланника Б. Штейна вопросы научного сотрудничества между двумя государствами. В результате была создана специальная рабочая группа, которая должна была реализовывать принятые на собрании решения³¹. Спустя неделю после проведения этого собрания в советское представительство в Хельсинки поступила целая программа мер, которые финские ученые считали необходимым реализовать. В частности, речь шла об обмене научными публикациями, установлении личных связей с исследователями из СССР, совместное изучение финно-угорских племен и т.д.³² Однако дальше этой программы процесс стимулирования научных контактов не пошел.

В последующий период была организована для финских ученых научная экспедиция на территорию Ленинградской области для изучения языка и быта родственного финнам народа — вепсов (летом 1934 г.), а также передача уже в 1937 г. Финляндии ряда архивных материалов, касающихся финской истории конца XVIII — начала XIX вв.³³ Во всем наблюдалось

отсутствие поддержки со стороны государственных структур, что не позволяло развиваться зарождавшимся инициативам.

О том, что причины свертывания деятельности во многом зависели именно от политики государства, свидетельствует и тот факт, что не удалось реализовать планировавшуюся в 1935 г. в университетских кругах Финляндии идею образования специальной «Центральной организации для установления научных связей с Советским Союзом». Несмотря на то что одними из инициаторов являлись финский посланник в Москве А. Ирье-Коскинен и ряд влиятельных профессоров университета, дело также не смогли осуществить, поскольку против этой инициативы выступил финский министр просвещения³⁴.

Таким образом, в руководстве Финляндии скептически относились к развитию сотрудничества в области как культуры, так и науки. Единственное, на что было дано согласие в Хельсинки, касалось экспорта товаров в Советский Союз. Как отметил по этому поводу профессор К. Корхонен, «финны хотели лишь торговать с Советским Союзом и ничего другого»³⁵.

При этом нельзя думать, что и руководство СССР всерьез рассматривало перспективу расширения контактов в области развития культурных связей. В частности, когда в Москву весной 1934 г. пришла информация о том, что Советский Союз желает посетить парламентская делегация Финляндии, то в начале на это был дан положительный ответ, но затем, буквально через несколько дней, решение было изменено. Телеграммой в Хельсинки из Наркомата иностранных дел сообщалось, что «лучше отложить поездку парламентской делегации»³⁶. Из подобной резолюции можно видеть, что в Москве «дозировано» допускали в страну даже такие весьма представительные делегации.

В итоге не получалось создания связующего моста между СССР и Финляндией. Хотя, по мнению посланника Ирье-Коскинена, Советский Союз имел в своих руках «хорошую предпосылку, чтобы изменить настроения финляндской общественности»³⁷. Очевидно, с советской стороны требовалось решительнее вносить необходимые коррективы в методы осуществления своей политики в отношении Финляндии, проявив большую гибкость с учетом возможности использовать наиболее эффективные направления в сотрудничестве. Немало в этом отношении зависело и от полпреда в Финляндии. В Москве узнали, что глава советского представительства в Хельсинки Б.Е. Штейн не достигает должного понимания с финскими официальными властями. Данная информация была передана в НИД Ирье-Коскинею, который выразил пожелание заменить Штейна, поскольку он, «по взглядам

финнов, ухудшал своими донесениями отношения обеих стран друг к другу»³⁸. Это приняли во внимание в Москве. В Финляндию в марте 1935 г. был направлен новый полпред — Э.А. Асмус.

Обстоятельно ознакомившись с состоянием советско-финляндских отношений, Асмус в своем обращении к заместителю наркома иностранных дел Н.Н. Крестинскому в мае 1935 г. прямолинейно выразил мнение, что следует «несколько уточнить нашу тактику в отношении Финляндии»³⁹, отойдя от жестких форм общения, предлагая пригласить для обсуждения возникших проблем в Москву министра иностранных дел Финляндии.

И действительно, визит состоялся. Он прошел в феврале 1937 г., когда во главе внешнеполитического ведомства Финляндии стал Р. Холсти. Очевидно, что первое посещение СССР финским государственным деятелем такого высокого ранга означало начало «оттепели» во взаимоотношениях обоих государств. Как сам визит, так и его результаты давали основание надеяться на оздоровление советско-финляндских отношений. «Дело сошло куда лучше, чем мы ожидали, старина», — сказал премьер-министр Каллио при возвращении Холсти в Хельсинки⁴⁰.

По итогам визита отношения между двумя странами в области культуры получили новый импульс. Оживление этого сотрудничества стало проявляться уже в феврале того же года, когда в Финляндии были организованы мероприятия, посвященные 100-летию памяти А.С. Пушкина⁴¹. Они проходили в различных странах и, как считалось, для советского руководства были «поводом внедрения в мировое общественное мнение новых черт внешнеполитического образа страны»⁴². Но в Финляндии мероприятия, посвященные 100-летию памяти А.С. Пушкина, с привлечением весьма представительной делегации ведущих артистов Москвы (Давыдовой, Лемешева, Макаровой) стали настоящим культурным открытием для финской общности⁴³.

В практике общения между обеими странами такого никогда прежде не было. По поводу выступления в Хельсинки советских артистов Асмус писал: «Мы глубоко захватили интеллигенцию. Пресса впервые в Финляндии демонстративно дружелюбно описывала наши вечера, помещала фотографии и т.д.»⁴⁴. Министр иностранных дел Холсти так оценил это начинание: «Лед тронулся»⁴⁵.

Действительно, по мнению финских исследователей, интерес к советскому театру в это время несравненно вырос. Еще осенью 1936 г. Москву посетила делегация финских режиссеров и артистов, которые позитивно начали воспринимать «последние советские идеи», что явно свидетельство-

вало о росте, как выразился профессор Ю. Паасивирта, «неоперившегося интереса к советской драме»⁴⁶. Данные тенденции начали явно проявляться в последующий период.

Одновременно Финляндию посетила весьма представительная делегация советских журналистов⁴⁷. И хотя у этой делегации не было встреч с «руководителями крупнейших финских газет»⁴⁸, было очевидно, что наступает новый этап в сотрудничестве между двумя государствами в области культуры.

Показательным стало то, что в противовес обозначившимся тенденциям культурного сближения СССР и Финляндии в Германии начало нарастать беспокойство по этому поводу. Со стороны одного из наиболее влиятельных представителей руководства рейха Г. Геринга финскому посланнику Вуоримаа тогда было предложено дать объяснение: «Не подписал ли Холсти в Москве соглашения о культурном сближении», при этом Геринг даже заявил, что этими действиями со стороны Финляндии «мы как будто получили удар ножом в голову»⁴⁹. Как отмечал позднее в своих мемуарах финский посланник в Берлине А. Вуоримаа, ему довольно определенно давали понять, что руководство Третьего рейха недоволено поведением Финляндии. Однажды во время спектакля в театре Геринг попытался воздействовать на Вуоримаа. «Он отвел меня в сторону, — вспоминал посланник, — и затем особо тихим голосом сказал, что поездка министра Холсти в Москву оставила в Германии очень плохое впечатление»⁵⁰.

В ответ на эти сообщения из Берлина Р. Холсти реагировал очень нервно. Он сразу послал туда секретную телеграмму, в которой говорилось: «Все речи относительно соглашения с Советским Союзом в области культуры — полная фантазия. Я в Москве не подписывал никаких документов»⁵¹. Таким образом, наметившийся процесс культурного сближения двух государств крайне болезненно стал восприниматься в Берлине, причем на финское руководство тогда стали оказывать весьма неприятное давление. Подобный «пресс» дал соответствующий результат. Он выразился в резком охлаждении к осени 1937 г. советско-финляндских отношений и даже в отзыве из Хельсинки практически всей советской дипломатической миссии, а также последовавшей затем в 1938 г. отставки Р. Холсти. Прав был историк К. Хокканен, когда писал, что «потепление отношений между Финляндией и Советским Союзом являлось реальностью, но происходило оно не на слишком надежной основе»⁵².

Однако попытки использования рычагов культурного воздействия на политику соседней страны после этого в СССР не прекратили. В условиях

продолжающегося обострения международной обстановки советское руководство принимает решение начать секретные переговоры с правительством Финляндии относительно возможности заключения договора о взаимопомощи. Эти переговоры продолжались в течение всего 1938 г., и в ходе них СССР также пытался использовать влияние ряда деятелей финской культуры на руководство страны с целью положительного разрешения поставленных советской стороной вопросов⁵³.

Более того, в это время советское полпредство стремилась начать группировать вокруг себя дружественно настроенных представителей культурной общественности Финляндии. Наиболее примечательной в данном случае стала встреча, проведенная осенью 1938 г. Тогда в полпредстве «был устроен завтрак для представителей научно-культурных кругов Финляндии», на котором присутствовали наряду с деятелями финской творческой интеллигенции и чиновники МИДа⁵⁴. В ходе этой встречи был поставлен вопрос о необходимости создания «общества культурной связи Финляндии и СССР».

Показательно то, что эта встреча не ограничилась общими разговорами, поскольку тогда уже начался процесс оформления специальной инициативной группы, которая должна была начать практическую работу по созданию этого общества⁵⁵. То, что обсуждение этой идеи на данной встрече явилось лишь началом реализации выдвинутой тогда инициативы, свидетельствовал тот факт, что через год, уже осенью 1939 г., известный финский профессор Юрье Рууту начал предпринимать шаги по созданию «финско-русского культурного общества»⁵⁶. Но «зимняя война», естественно, прервала образование этой организации.

Факт стремления к созданию подобного общества свидетельствовал о том, что среди финского населения существовало определенное устойчивое стремление идти по пути развития сотрудничества между Финляндией и СССР в области культуры.

В целом можно отметить, что культурное сотрудничество между Финляндией и СССР на протяжении 1920–30-х гг. существовало и имело тенденцию к определенному развитию. Очевидно, что за это 20-летие имелись периоды своеобразных подъемов (середина 1920-х гг., 1934 г. и 1937 г.) и соответствующих спадов (начало и конец 1920-х гг., а также 1930-х гг.). В течение 1920-х гг. наблюдалось явная незаинтересованность в развитии культурных связей со стороны обоих государств. Что же касается 1930-х гг., то здесь уже начало проявляться, прежде всего со стороны Москвы, стремление к налаживанию культурного взаимодействия, но рассматривались эти

контакты в основном для решения конкретных политических задач, что в конечном итоге не могло дать положительный результат и не было реализовано советской стороной.

¹ Paasikivi J.K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa. 1939–1941. Os. I. Porvoo, 1958. S. 191.

² Ibidem.

³ Frietsch C.O. Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945. S. 23.

⁴ Ibid. S. 23–24.

⁵ Korhonen K. Naapurit vastoin tahtoon. Hels., 1966. S. 49.

⁶ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1967. Т. XIII. С. 821.

⁷ Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: УМ). 12 К. Ulkopoliittinen katsaus 20.10.1925.

⁸ Там же. С. 459–460; Рупасов А.И. Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х — начало 1930-х гг. СПб., 2001. С. 20, 82.

⁹ Фокин В.И. Научные связи Петрограда–Ленинграда и стран Северной Европы в 20–30-е гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001. С. 97.

¹⁰ Paasivirta J. Finland and Europe. The early years of independence 1917–1939. Hels., 1988. P. 344.

¹¹ Рупасов А.И. Советско-финляндские отношения. С. 76; Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. Hels., 1971. S. 81.

¹² Paasivirta J. Finland and Europe. The early years of independence 1917–1939. P. 345.

¹³ См.: Viitala H.M. Rauhanoppositio. Pori, 1969. S. 7.

¹⁴ Paasivirta J. Suomen diplomaattiedustus ja ulkopoliittikan hoito. Porvoo-Hels., 1968. S. 82.

¹⁵ Korhonen K. Naapurit vastoin tahtoon. S. 206.

¹⁶ Цит. по: Вильми О. Фашизм в Финляндии. Л.; Петрозаводск, 1931. С. 69.

¹⁷ Nykopp J. Paasikiven mukana Moskovassa. Hels., 1976. S. 18.

¹⁸ Korhonen K. Naapurit vastoin tahtoon. S. 35.

¹⁹ Пальгунов Н.Г. Тридцать лет (Воспоминания журналиста и дипломата). М., 1964. С. 98.

²⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. XVI. С. 556.

²¹ Там же. С. 557.

²² См.: Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. S. 81; Ivalo M. Vanavedessä. Nuoren diplomaattoparin vaiheita. Hels., 1973. S. 318; Пальгунов Н.Г. Тридцать лет. С. 92.

²³ Пальгунов Н.Г. Тридцать лет. С. 92.

²⁴ Там же.

²⁵ Ivalo M. Vanavedessä. Nuoren diplomaattoparin vaiheita. S. 325.

²⁶ Фокин В.И. Образ Петербурга в духовной жизни стран Северной Европы в 1920–1930-е гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005. С. 314.

²⁷ Документы внешней политики СССР. М., 1971. Т. XVII. С. 777.

²⁸ См.: Воскресенская З.И. Под псевдонимом Ирина: записки разведчицы. М., 1997. С. 95; Документы внешней политики СССР. М., 1976. Т. XX. С. 246.

- ²⁹ Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. Hels., 1971. S. 81.
- ³⁰ Katainen E. «Loistavin elokuva mitä milloinkaan on esitetty» — suuren yleisön elokuvaelämyksiä 1930-luvun Helsingissä // Kotomaan koko kuva. Kirjoituksia elokuvasta ja 1930-luvun sosiaalhistoriasta. Hels., 1993. S. 210.
- ³¹ Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 778; Viitala H.M. Rauhanoppositio. S. 8.
- ³² Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 778.
- ³³ Там же. С. 801; Т. XX. С. 397.
- ³⁴ Viitala H.M. Rauhanoppositio. S. 8.
- ³⁵ Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. S. 81, 92, 84; См. также: Ivalo M. Vanavedessä. S. 318, 325.
- ³⁶ Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 314, 795, 801.
- ³⁷ Там же. С.151.
- ³⁸ Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. S. 115.
- ³⁹ Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. VIII. С. 641.
- ⁴⁰ Цит. по: Там же. Т. XX. С. 122.
- ⁴¹ Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. S. 158.
- ⁴² Фокин В.И. Пушкинские дни в Скандинавских странах в 1937 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 212.
- ⁴³ Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 122–123.
- ⁴⁴ Там же. С. 123.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Paasivirta J. Finland and Europe. The early years of independence 1917–1939. P. 497.
- ⁴⁷ Honkkanen K. Kyösti Kallio. Os. 2. Porvoo-Hels., 1986. S. 243–244; Suomi J. Talvisodan tausta. Hels., 1973. S. 85–86; Правда. 1937. 28 июля.
- ⁴⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 396.
- ⁴⁹ Там же. С. 123; Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. S. 159.
- ⁵⁰ Wuogimaa A. Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967. S. 70.
- ⁵¹ УМ. 110 G 12. Salasähke Berliiniin, 5.3.1937.
- ⁵² Hokkanen K. Kyösti Kallio. S.243.
- ⁵³ См.: Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 108, 316; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000. С. 20, 21.
- ⁵⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1977. Т. XXI. С. 545.
- ⁵⁵ Там же. С. 546.
- ⁵⁶ См.: Viitala H.M. Rauhanoppositio. S. 9.